

Литература

1. Фрейд, З. К трактовке афазий / З. Фрейд. – Ижевск: ERGO, 2017. – 162 с.
2. Делёз, Ж. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения [Электронный ресурс] / Ж. Делёз, Ф. Гваттари. – Режим доступа: <http://gulit.me/>. – Дата доступа: 12.09.2019.
3. Делёз, Ж. Критическая философия Канта: учение о способностях. Бергсонизм. Спиноза / Ж. Делёз. – М.: ПЕРСЕЙ, 2000. – 346 с.

ПЕРЦЕПЦИЯ ГРУЗИНСКОГО ИСКУССТВА В ДИСКУРСЕ ОСИПА МАНДЕЛЬШТАМА. ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКИЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Г. А. Джохадзе

Тбилисский государственный университет Ильи,
факультет науки и искусства, пр. Чолокашвили, 3/5, 0162,

Тбилиси, Грузия

e-mail: jokhadzegrigol@yahoo.com

В статье рассматриваются герменевтические интерпретации автора по поводу очерка О. Мандельштама «Кое-что о грузинском искусстве». В поэтических иллюстрациях и эстетических суждениях великого поэта допущены грубое самоуправство, ляпсусы и неточности, разъяснение которых проявило наличие латентной ксенофобии, авторитарических рецидивов и великодержавных чаяний «старшего брата». Автор уверен, что Мандельштам предусматривает, где (в партийный орган) будет напечатан очерк и впадает в соблазн рассуждать в соответствии с политической конъюнктурой.

Ключевые слова: Мандельштам, Грузия, культура, грузинское искусство, великодержавность.

THE PERCEPTION OF GEORGIAN ART IN OSIP MANDELSHTAM'S DISCOURSE. HERMENEUTIC INTERPRETATIONS

G. A. Dzhokhadze

Ilya Tbilisi State University, Faculty of Science and Art,
Cholokashvili ave. 3/5, 0162, Tbilisi, Georgia

e-mail: jokhadzegrigol@yahoo.com

The article discusses the author's hermeneutic interpretations regarding O. Mandelstam's essay «Something about Georgian Art». Gross arbitrariness, blunders and inaccuracies are allowed in the poetic illustra-

tions and aesthetic judgments of the great poet, the explanation of which revealed the presence of latent xenophobia, autocratic relapses and the great-power aspirations of the «elder brother». The author is sure that Mandelstam knows where (in the party periodical) an essay will be printed and falls into the temptation to reason in accordance with the political situation.

Key words: Mandelstam, Georgia, culture, Georgian art, great power.

Осип Мандельштам и Грузия – тема, которая и ныне продолжает притягивать к себе исследовательское внимание. В духе лучших советских клише принято считать, что между русским поэтом и грузинскими коллегами сложились добрые дружеские отношения. Одним из первых исследователей, который хотя бы в общих чертах и подчеркнуто деликатно позволил себе описать реальную картину, является ныне покойный грузинский литератор Георгий Маргвелашвили (1923–1989). В одном из первых своих литературных трудов («Не разнять меня с жизнью» (1966 г.)), посвященном жизни и творчеству Мандельштама, он говорит: «Осенью 1921 года, во время второй поездки в Грузию, имел место своеобразный конфликт Осипа Мандельштама с грузинскими поэтами. Мандельштам... недоумевал: почему друзья его («голубороговцы» Тициан Табидзе, Паоло Иашвили и др. – Г. Д.), щедро заселяя свои стихи образами, навеянными европейской литературой, славословя Париж, недостаточно пристально вглядывались стихом в образы родной земли... И Мандельштам, уже выехав из Грузии, написал и опубликовал очерк («Кое-что о грузинском искусстве». – Г. Д.), в котором, быть может, слишком заострил эту тему, вызвав обиду друзей, выступивших даже с ответной полемической статьей» [1, с. 30].

С «ответной полемической статьей», которую упоминает Г. Маргвелашвили, уверен, были знакомы, по крайней мере, те, кто писал о «голубороговцах» и Мандельштаме. Но ни сам Маргвелашвили, ни Г. М. Цурикова, автор монографии о Тициане Табидзе (1971) [2, с. 123–124], не сочли нужным или дозволенным перевести и опубликовать текст ответной статьи авторства Тициана Табидзе [3, с. 3]. Вашему покорному слуге пришлось заняться этим, чтобы, как сказал бы Мандельштам, «своей кровью склеить двух столетий позвонки».

Содержание этой статьи, а в частности, обвинения, выдвинутые Тицианом Табидзе против Мандельштама, многое меняют в осмыслении сложных и абсолютно нелитературных взаимоотношений. Но это тема другого разговора.

На сей раз мне хочется заострить внимание читателя на очерке Мандельштама «Кое-что о грузинском искусстве», с которым, надеюсь, многие знакомы. И все же, мне думается, что и этот текст, а в частности, несколько его топосов, не оценены соответственно ни в Грузии, ни за рубежом. В основном об этой статье принято говорить, что перед нами пример того, как русский поэт глубоко и проникательно ощутил и оценил чужую для себя культуру, как он был очарован культурными традициями этой страны и т. п. «Да, есть и критика, – говорят приверженцы этого просоветского мифа, – но он критикует символистов, которые стремились к Западу! Зато восхваляются Важа-Пшавела и Пиросмани!»

Наверное, в некоторой степени это правда, но текст Мандельштама отнюдь не однозначен, и все само собой не разумеется, потому что поэт сам является «и оскорбленным, и оскорбителем!».

На мой взгляд, мы должны учесть то обстоятельство, кто устроил вторую поездку Мандельштама в Грузию.

Как выяснил П. Нерлер, Мандельштам ехал сюда с поездом Центрального управления по эвакуации населения НКВД РСФСР. Начальником ростовского поезда «Центроэвака» был назначен художник-«мирискусник» Борис Львович Лопатинский (1881–1946), знакомый и даже сослуживец Мандельштама по Наркомпросу. Пока поезд комплектовался и формировался, Осип уехал на пару дней в Петроград, скорее всего, взяв командировку от «Центроэвака».

Из вышеупомянутого памфлета Т. Табидзе видно, что, по рассказу самого Мандельштама, он представился в грузинской миссии в Москве Михе Цхакая и показал какой-то мандат в подтверждение того, что он везет медикаменты в Ереван из какого-то общества. Михе Цхакая мандат показался смешным. «С таким мандатом ты можешь даже в Индию приехать, только должен добавить, что собираешь коллекцию насекомых», – якобы пошутил он. Но каким-то образом Мандельштам все же оказался в Тифлисе [3, с. 3].

А уехав из Тифлиса, как будто стал уверять своего советского добродетеля (на мой взгляд, скорее абстрактного, нежели кого-нибудь конкретного, эдакого коллективного Бухарина) в том, что он верный новому правительству человек. Свою поездку он счел не только свадебным путешествием, а миссией государственной важности: разведать ситуацию в новоиспеченной советской республике, которая еще в первой половине февраля 1921-го года считала себя незави-

симым государством! Разве не вариация этой темы следующий пассаж из текста Мандельштама:

«... национальное и политическое самоопределение Грузии, резко распадающееся на два периода – до и после советизации Грузии, для грузинской культуры и искусства должны были быть экзаменом верности самой себе, и культурная Россия, целое столетие любовно следившая за Грузией, сейчас с тревогой глядит на страну, готовую изменить своему культурному призванию» [4]?!

Мандельштам как будто стремится доказать, что эта тревога не беспочвенна. Отсюда и так называемое «советское великодержавие», адептом которого, как это не странно, выступает поэт и еврей. Но этому не стоит удивляться: ведь не секрет, что приверженность великодержавию объединяет власть, элиту, в том числе и либеральную, и народ. Хотя и считал себя провидцем (помните, говорил: «мыслящая саламандра, человек, угадывает погоду завтрашнего дня»?!), Мандельштам не смог прозреть то, что вскоре и раскритикованные им символисты-западники – грузинские коллеги – трансформируются не меньше самого Мандельштама и будут восхвалять советскую власть, и, кстати, разделять участь Мандельштама. За год до его гибели Т. Табидзе и Н. Мицишвили будут расстреляны, а П. Иашвили вскоре покончит с собой в ожидании ареста (власти заставляли его написать статью о Тициане Табидзе и объявить того врагом народа).

В первую очередь хочется сказать о той фразе, и синтаксис, и семантика, и категоричность которой – эхо или модифицированная цитата высказывания о поэте Николае Некрасове (1821–1877) Василия Розанова (1856–1919), эталона «филологической деятельности» для Мандельштама. Вот что пишет Розанов в своем экспериментальном сборнике, фиксирующем «восклицания, вздохи, полумысли и полочувства». «Уединенное»: «Таких, как эти две строки Некрасова: Еду ли ночью по улице темной, – Друг одинокий! – нет еще во всей русской литературе» [5]. Кроме того, что Розанов преувеличивает художественные достоинства этих вполне заурядных строчек, при цитировании Некрасова он допускает ляпсус, схожий с мандельштамовским. «Друг одинокий!» – в стихе, посвященном тяжелой судьбе женщин XIX в., – вообще отсутствует. Сравним:

Еду ли ночью по улице темной,
Бури заслушаюсь в пасмурный день –
Друг беззащитный, больной и бездомный,
Вдруг предо мной промелькнет твоя тень! [6].

По правде говоря, эту оценку Розанова и не вспомнили бы, если б не сам Мандельштам, который критикует Розанова в своем письме «О природе слова». Мандельштам утверждает, что Розанов филолог, а не литературный критик. Вот этот пассаж: «Критик должен уметь проглатывать томы, отыскивая нужное, делая обобщения; Розанов же увязнет с головой в строчке любого русского поэта, как он увяз в строчке Некрасова. Еду ли ночью по улице темной – первое, что пришло в голову ночью на извозчике. Розановское примечание – вряд ли сыщется другой такой русский стих во всей русской поэзии» [7].

Как видим, при цитировании грешит и Мандельштам, но на сей раз совершенно предвзято, я не считаю это предосудительным, так как явление это очень похоже на место в очерке о грузинском искусстве Мандельштама: «Может быть, во всей грузинской поэзии нет двух таких стихов, по-грузински пьяных и пряных, как два стиха Лермонтова: Пену сладких вин сонный льет грузин».

С такой же категоричностью могу заявить лишь то, что уже в начале статьи появляется максима, как сладкая и неопределенная истома, но она начисто имперская и, более того, – фальшивая! Я, конечно, допускаю, что слух грузина, который постоянно тоскует по похвальному слову от других (это невроз всех так называемых малых наций!), мог быть действительно очарован этой дублированной «грузинскостью» (...во всей грузинской поэзии... по-грузински пьяных и пряных...), но взор же должен был различить, что во всей (!) грузинской поэзии (!), оказывается, нет таких опьяняющих и ароматных стихов?!

Неужели эти строки действительно указывают на такое поэтическое достижение, что категоричность в литературе больше не считается плохим тоном? Неужели изящнейший эстет Мандельштам не смог распознать хороших стихов? Вкус, как говорится, подвел? Маловероятно. Мне думается, что тут самое «по-грузински пьяное и пряное» только то, что пьяный грузин легко растрчивает свою гордость – грузинское вино! Но Мандельштам грешит при цитировании, в стихотворении Лермонтова «Спор», написанном в 1841 г., читаем:

Посмотри: в тени чинары
Пену сладких вин
На узорные шальвары
Сонный льет грузин [8].

Неужели Мандельштам нарочно отказался от цитирования полной версии, чтобы «скрытое» не стало «явным», и то, что русский поэт твердит с таким пылом, на самом деле вполне намеренное осмеяние? А может, и высказанный в статье поэтический пиетет всего лишь часть комического в политическом дискурсе и маркер ментального отчуждения? Или это русская версия любви к грузинской культуре? Может, полный вариант поэтического образца Лермонтова содержит такие «по-грузински пьяные и пряные» стихи, которых Мандельштам не находит во всей грузинской поэзии? Посмотрим:

«Спорят две горы – Казбек и Эльбрус. "Берегись! – говорит Казбеку Эльбрус, – раз ты покоришься людям, они используют тебя, особенно многолюден и могуч Восток!" Но Казбек не боится Востока потому, что уже девятый век, как род людской там в глубоком сне. Вот маркеры этого «дряхлого Востока»: с одной стороны, пьяный грузин, а с другой – ирано-арабские империи. Но все мертвые, сонные, одурманенные... Зато Эльбрус указывает на странное движение с Севера – это полки и батареи, которые движутся на Восток. Казбек грустным взором окинул окрестность, облако шапкой на брови надвинул и затих навсегда» [4].

Насколько безынтересным может быть поэтическая интенция Лермонтова (что это – предсказание, сожаление, либо радостный возглас?), поэтико-политическая (как ошибался Бродский, который часто повторял, что у поэзии и политики общего только начальные буквы «п» и «о»!) реальность такова: дряхлый, вином и гашишем одурманенный Восток бесплоден, пассивен и безопасен. Тот, от кого даже Казбек сторонится, Север или Россия.

Интересно, для чего Мандельштаму понадобилось инкорпорация этого стиха, притом с таким категорическим шлейфом? Отступлюсь от императивности (не имея подтверждения) и только предположу: Мандельштаму нужно было оправдать свой тезис о том, что Грузия абсолютно таинственно, загадочно, иррационально привлекла русских поэтов. Первый субъект – или же объект любви – персонифицируется в грузинской красавице, поющей о старой, печальной Грузии, напевы которой пушкинскому герою напоминают другую жизнь, другую женщину – Россию... («Не пой, красавица, при мне ты песен Грузии печальной»...). Второй – сладким вином («Пену сладких вин сонный льет грузин»...), а в доказательство привел слова двух первосортных русских поэтов – убиенных авторитетов – так, как ему вспомнилось и что ему вспомнилось! Это весьма похоже на его безапелляционный

норов: сказал, как бы доказал и головоломкой озадачил нас! Получается, два маркера грузинской эротики, подмеченные русским поэтом, – это женщина и вино. По правде говоря, кто отказался бы от такого эротизма? Никто, наверное. И русские (поэты) не отказываются!

Особое внимание заслуживает второй топос. Грузины любят его персонификацией потому (во всяком случае, еще не сталкиваясь с противоположным мнением), что та – их национальная святыня, и по той же причине (как всегда!) теряют бдительность! Это амбивалентный топос: очень похоже на наместника Воронцова (а не Воронцова-Дашкова), которого упоминает в статье Мандельштам: он одновременно сладок и горек, он и истина, и ложь – симультанно. Подразумеваю фразу, что свой грузинский миф, впервые провозглашенный Пушкиным, Лермонтов превратил в целую мифологию с мифом о Тамаре в центре. Это, действительно, открытие Мандельштама.

Но пушкинский миф о Грузии – действительно миф, во всяком случае, по приведенному Мандельштамом примеру («Не пой, красавица, при мне»...) – точно! Да и эту единственную строчку он использует в качестве приправы: протагонист стиха, который находится в «теплой Сибири», слушает песню грузинской красавицы о «печальной Грузии». Это напоминает ему другую жизнь и берег дальний. На фоне жестоких напевов протагонист видит и степь, и ночь, и черты далекой, бедной девы! Увидев грузинку, протагонист подчас забывает милый и роковой призрак, но стоит ей запеть, как перед героем вновь появляется вышеназванный призрак [9].

В компании Пушкина, расхрабрившись, Мандельштам и вправду верит, что Грузия – некая таинственная обольстительница, инструменты которой – своеобразная эротика и опьянение. Грузинский эрос – вот что притягивало русских поэтов, – утверждает он. Таким образом, могу предположить, что русского поэта пушкинского «грузинского мифа» заманивает Грузия, в силу чего Родина предается забвению. Кто виноват? Конечно же, Грузия с ее эротической и пьянящей культурой!

И «лермонтовская мифология» соткана из таких мифов, главный персонаж которой – Тамара, ни больше ни меньше. Культурный читатель – знаток поэзии Лермонтова – знаком, по меньшей мере, с двумя фигурами под этим именем. Одна из них – персонаж поэмы «Демон», а другая – одноименного стихотворения. Несмотря на то, что Тамара в обоих текстах – роковая соблазнительница, думаю, что Тамара мандельштамовского дискурса – это героиня стиха. Могу

подтвердить, вспоминая нарратив этого стихотворения (тем паче, что «Тамара» – баллада, и дает такую возможность!).

В глубокой теснине Дарьяла текла река Терек, на черной скале стояла старинная башня, где жила Царица Тамара: «прекрасна, как ангел небесный, как демон, коварна и зла». Там сквозь туман полуночи блистал золотой огонек, который манил путника на ночной отдых. У Тамары даже голос был лукавый, похожий на голос пери – фантастического существа в виде прекрасной девушки из персидской мифологии. На этот зов шли все, и перед ними отворялись двери: перед постелью стояли два кубка с вином. Ну, понятно: «сплетались горячие руки, уста прилипали к устам»... И всю ночь раздавались странные, дикие звуки, как будто сто юношей и девушек сошлись. Наутро опять воцарялось молчание, шумели лишь волны Терека, которые уносили мертвое тело любовника. В окне тогда что-то белело, и голос говорил – «прости!», «как будто восторги свиданья и ласки любви обещал» [10].

В русско-грузинских литературных кругах уже давно не спорят о том, что на конечную редакцию поэмы «Демон» решительно повлияло пребывание Лермонтова на Кавказе: впечатления от природы, жизни горцев, фольклор легли в основу многих произведений Лермонтова. Этим обусловлен, например, выбор имени героини – Тамара [11, с. 15–17; 12, с. 44–452].

Часть источников упоминает некую княжну или царицу Дарью [12]. Так или иначе, Лермонтов мог слышать такой вариант легенды, в котором имя Дарья (Дареджан) было заменено именем обожествленной в Грузии царицы Тамары.

Трудно говорить о том, насколько обращает (и должен обращать) внимание поэт на т. н. историческую правду (имею в виду самые распространенные и подтвержденные в нескольких источниках версии о каком-то факте либо явлении, тем более, что это – история не его родной страны!), когда он стремится к созданию эстетической действительности: поэтическая сущность Лермонтова была очарована духом легенды и неизвестная Дарья перевоплотилась в известную Тамару! «Мифология», созданная Лермонтовым, с Тамарой в центре удручающе и неоднозначно повлияла на последующее развитие русской литературы. Свидетельство этому – сам Мандельштам и его статья, опубликованная в 1922 г. Но существует еще стихотворение «Тамара и Демон», опубликованное в 1924 г., автором которого является В. Маяковский. Маяковский – тогда футурист, как

говорится, со стажем, – и тот наравне с другими согласен сбросить Пушкина и старых великих «с парохода современности». Неудивительно, что он не оставил без внимания лермонтовскую грузинскую мифологию и предложил пародию:

«Протагонист насмехается и над Тереком (он «поплеывал в реку с берега»), и над башней, и над культовыми именами тогдашней русской литературы – поэтом Есениным («Терек шумит, как Есенин в участке»), первым комиссаром просвещения Луначарским (Он Терек «соорганизовал», проездом в Боржоми), литературоведом Коганом (ему, как «предискусств», Терек не подчинится!) и т. д. Рефлексирующему протагонисту, наверное, вспомнилось, что он – грузин («Только нога ступила в Кавказ, я вспомнил, что я – грузин»), а после он стал горевать, что эту «дикость и выступления» он «променял на славу, рецензии и диспуты». Его «фирменный» голос («паршивый тон, но страшен силою ярой») был услышан Тамарой. Протагонист говорит напрямик, что ему начхать, царица она или прачка (более того: «стирка – в семью копейка, а с песен – какой гонорар?!»). Царица хватается за кинжал, но протагонист использует привычный для него «метод» обольщения: вежливо берет за руку даму и по-мужички спрашивает: «Сударыня! Чего кипятитесь, как паровоз?» Протагонист между прочим говорит, что слышал от некоего Лермонтова про нее, по словам которого, ей в страсти равных нет. Именно такой и представлял ее он. И под конец созревает отнюдь нескромное предложение: попросту любить друг друга, да так, чтоб «скала распостелилась в пух!» Он и от черта скрадет ее, и – от бога. Что до демона, это же фантазия из мифологии! Броситься в пропасть ему не страшно, не жаль даже, пиджак ободрать, а грудь и бока – тем более! А после идет, как говорит протагонист, история уже не для книг... и не для публики! Демон исчезает, а Лермонтов, презрев времена, временами гостит у «счастливой парочки». Стихотворение заканчивается обиходным кличем победоносного, довольного (вернее – удовлетворенного!) и гостеприимного протагониста: «Налей гусару, Тамарочка!» [13].

Понятно, что источник сатиры Маяковского – Лермонтов, а не история Грузии. Поэт не обязан думать об историческом прототипе. Кажется, что и Мандельштам не думает об исторической правде: он ссылается на стих Лермонтова, протагонист которого – олицетворение грузинской культуры или же, вообще, Грузии – красавица обольстительница. Мандельштам четко «учуял» и позиционировал Тамару, популяризованную Лермонтовым эту грузинскую Сирену, с таким же божественным голосом и коварством: признание ее «центральной

фигурой грузинского мифа» может порадовать грузина (он же – человек «семы», а не – «семантики»!), но рассмешить культурного русского, а обе эти реакции могут поспособствовать созданию стереотипа. Не исключена рефлексия и такого типа: вот тебе и Грузия (реже: грузинская культура) – коварная и распутная красавица! Разомкни ее объятия, если хочешь в живых остаться! Лучше ее саму упрятать под землю!

Вот и подоспел «Квеври» – метафора грузинской культуры, по Мандельштаму, узкая глиняная амфора с вином, зарытая в землю! И это надо учесть: если, с одной стороны, мандельштамовская «амфора» – грузинская культура – с самой благожелательной точки зрения, символ самобытного развития, с другой – она олицетворяет изоляционизм – наиковарнейший и деструктивный среди отчуждений всех мастей. Можно обнадеживать себя только тем, что культурный изоляционизм сам по себе – нонсенс: с одной стороны, абсурд, а с другой – утопия!

А теперь нам пора возвратиться к началу, как говорит поэт, и назойливо спросить: на какую стратегию натываемся? Если не уличат меня в предвзятости и вражде с логикой, выскажу свое мнение. Русские акмеисты (бывшие акмеисты, под конец Мандельштам только их и чествовал!) должны «мучиться» «тоской по Европе», а грузинские поэты, чтобы не чувствовать себя в Пензе или Тамбове, как обозначил Мандельштам символы русской периферии, должны стремиться к Москве или Петрограду! Россия – вот Европа для грузин! Только она понимает ценностное значение грузинской культуры! Только она позаботится о ней! Только русскому художнику досадно, что не покроет его львиный рык всю эту суету сует, т. е. тогдашних маркеров грузинской культурной жизни: множество диспутов, ссор, банкетов, расколов...: «Вы не Запад и не Восток, не Париж и не Багдад...» и т. п. [4].

Тут заканчивается имперский дискурс Мандельштама. Начинается новый пласт: когда художник начинает рефлексировать о культуре, он всегда прав! И Мандельштам так прав, как никогда: грузинская культура – ни восточная, ни западная. О ней должны заботиться. В данном контексте метафора вина – самая подходящая: субстанция вина естественно развивается, сама, без влияния и воздействия. Так происходит с культурой, и это должны учесть. Мандельштам прав и в том, что освобождение от какого бы ни было свирепого влияния возможно не грубыми лозунгами, а с помощью высокохудожественных форм.

Но... Мандельштам как поэтического метра грузинские коллеги не признали... Надежда Мандельштам слышала, как восклицал Пао-

ло Иашвили: «Кто вы такой, чтобы нас учить!..», и от себя добавляла: «А ведь правильно – что за миссионерский пыл обуял Мандельштама, чтобы громить то, что он считал ересью, в чужой и незнакомой ему поэзии...» [14].

Причиной размолвки Мандельштама с грузинскими поэтами послужили отнюдь не поэтико-эстетические разногласия, а чисто человеческие слабости с политическим навесом.

Вот почему «разочаровались» Мандельштам и «голубороговцы» друг в друге и, так сказать, махнули рукой!

И Грузия – больше не эротическая обитель уснувшего поэтического либидо русского поэта: да, его тут обогрели, накормили, слушали на лекциях, напечатали, устроили дело с переводом... и т. п., однако лавровым венком, предназначенным для Бодлера, Рембо, Верлена и других, хотя бы – Бальмонта или Белого, не наградили! Эта боль и озлобленность вылилась в написанном им позднее по другому поводу: «Французику – шер мэтр – дорогой учитель, а мне – Мандельштам, чеши собак. Каждому свое!».

Мандельштам потом сожалел о случившемся (см. письмо от 25 июня 1928 г. сотруднице Госиздата П. Коробовой с просьбой «во что бы то ни стало выбросить из... “Шума времени” лишние тексты, в противном случае ему остается повеситься... и т. п.» [15, с. 97–98], но примирение не состоялось.

Как уверяют, время все лечит, и Мандельштам, параллельно с новым путешествием, приступил к креации своего «нового мифа». Этим «мифом» стала Армения.

Литература

1. Мандельштам, О. Стихотворения, переводы, очерки, статьи / О. Мандельштам. – Тбилиси: Мерани, 1990. – 402 с.
2. Цурикова, Г. Тициан Табидзе. Жизнь и поэзия / Г. Цурикова. – СПб.: Росток, 2015. – 451 с.
3. Табидзе, Т. Гастролер-чонтоли / Т. Табидзе // Рубикони. – 1923. – № 14. – С. 3–4.
4. Мандельштам, О. Кое-что о грузинском искусстве [Электронный ресурс] / О. Мандельштам. – Режим доступа: <http://mandelshtam.lit-info.ru/mandelshtam/public/o-gruzinskom-iskusstve.htm>. – Дата доступа: 01.06.2019.
5. Розанов, В. Апокалипсис нашего времени, Уединенное [Электронный ресурс] / В. Розанов. – Режим доступа: <http://iknigi.net/avtor-vasiliy-rozanov/54416-uedinennoe-vasiliy-rozanov/read/page-1.html>. – Дата доступа: 01.06.2019.

6. Некрасов, Н. «Еду ли ночью по улице темной...» [Электронный ресурс] / Н. Некрасов. – Режим доступа: <https://guroem.ru/nekrasov/edu-li-nochyu.aspx>. – Дата доступа: 01.06.2019.
7. Мандельштам, О. О природе слова [Электронный ресурс] / О. О. Мандельштам. – Режим доступа: https://rvb.ru/mandelstam/01text/vol_1/03prose/1_264.htm. – Дата доступа: 01.06.2019.
8. Лермонтов, М. Спор [Электронный ресурс] / М. Лермонтов. – Режим доступа: <http://guroem.ru/lermontov/kakto-raz-pered.aspx#kakto-raz-pered.a1>. – Дата доступа: 01.06.2019.
9. Пушкин, А. Не пой, красавица, при мне... [Электронный ресурс] / А. Пушкин. – Режим доступа: <http://guroem.ru/pushkin/ne-voj-krasavica.aspx>. – Дата доступа: 01.06.2019.
10. Лермонтов, М. Тамара [Электронный ресурс] / М. Лермонтов. – Режим доступа: <http://guroem.ru/lermontov/v-glubokoj-tesnine.aspx>. – Дата доступа: 01.06.2019.
11. Гачечиладзе, А. «Демон» Лермонтова и грузинские сказания / А. Гачечиладзе // Литература да хеловнеба. – 1948. – № 38. – С. 15–17.
12. Андроников, И. Лермонтов. Исследования и находки [Электронный ресурс] / И. Андроников – Режим доступа: http://loveread.me/read_book.php?id=67242&p=76. – Дата доступа: 01.06.2019.
13. Маяковский, В. Тамара и Демон [Электронный ресурс] / В. Маяковский. – Режим доступа: <http://guroem.ru/mayakovskij/ot-etogo-tereka.aspx>. – Дата доступа: 01.06.2019.
14. Надежда Мандельштам. Книга третья [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://e-libra.ru/read/229600-vospominaniya.-kniga-tretya.html>. – Дата доступа: 01.06.2019.
15. Мандельштам, О. Собрание сочинений в четырех томах / О. Мандельштам. – М.: Арт-бизнес-центр, 1999. – Т. 4: Письма. – 591 с.

ПРИКЛАДНОЕ ИСКУССТВО ЧЕРЕЗ АРТ-ОБЪЕКТ: ПРЕЗЕНТАЦИЯ АУТЕНТИЧНОЙ КУЛЬТУРЫ

И. В. Надольская

Минский городской институт развития образования,

ИОЦ «Наставник», пер. Броневой, 15А, 220034,

Минск, Республика Беларусь

e-mail: silva.i@yandex.by

В работе дано теоретическое обоснование арт-объекта и представлен практический опыт его создания в рамках обращения к декоративно-прикладному искусству. Подобная практика способствует сохранению традиций прикладного искусства, открывает иннова-